Кто убил Фёдора Павловича Карамазова? Задавшись подобным вопросом, Яков Учитель пытается проследить логику известного романа Ф. М. Достоевского и замысел писателя, насколько это возможно по дошедшим до нас архивам. Основываясь на свидетельстве Суворина, автор доказывает, что роман был задуман как отцеубийство – 1-я часть (Дмитрий) – и цареубийство – 2-я часть (Алёша). Интеллектуальная игра Якова Учителя завершается категоричным выводом: не разрешённая в мистическом пространстве текста, поставленная Фёдором Михайловичем задача отозвалась взрывом на Екатерининском канале и гибелью великого романиста. Отцеубийство (гибель Достоевского) и цареубийство (гибель Александра II) всё-таки состоялись.

* * *

Незнакомец усмехнулся, вспомнив фразу,
сказанную одним его московским
приятелем: «Все человечество делится на
три категории: на тех, кто читал «Братьев
Карамазовых», на тех, кто еще не читал, и
на тех, кто никогда не прочтет». «Есть еще
одна категория, – подумал незнакомец, –
те, кто видел «Братьев Карамазовых» в кино…»
Е. Евтушенко. «Ягодные места»

Заявим сразу: Федора Павловича Карамазова убил его старший сын Дмитрий.

Освежим сюжет для тех, кто подзабыл… В провинциальном русском городе жил-был беспутный и распутный вдовый 55-летний помещик Федор Павлович Карамазов. Время действия – вскоре после отмены крепостного права. Сын его от первой жены – 28-летний Дмитрий, взбалмошный отставной армейский капитан. Дмитрий в ссоре с отцом и агрессивно претендует на часть материнского наследства. Два сына от второго брака. Первый – 23-летний высокообразованный Иван – гостит у отца и живет у него в доме. Второй – 20-летний Алеша, религиозно одаренный и с детства высокоморальный, – подвизается послушником в местном монастыре (прототипом которого была Оптина Пустынь). Есть еще четвертый как бы брат – Смердяков. Сын юродивой, по слухам, плод ее незаконной связи с Федором Павловичем. Смердяков служит в доме предполагаемого отца лакеем и поваром и пользуется безграничным доверием Федора Павловича. Федор Павлович и Дмитрий влюблены в местную красавицу из простых – Грушеньку и страшно ревнуют ее друг к другу. В середине романа Федора Павловича находят дома мертвым с проломленным черепом. Подозрение сразу падает на Дмитрия, неоднократно грозившего убить отца. Множество улик подтверждают его вину, и Дмитрия арестовывают и судят. Однако Иван получает от Смердякова признание в убийстве Федора Павловича. Смердяков якобы давно задумал это преступление и ждал лишь удобного случая, когда все подозрения сойдутся на Дмитрии. Разговор Ивана со Смердяковым происходит вечером накануне суда. А ночью Смердяков повесился. Суд присяжных не поверил рассказу Ивана и приговорил Дмитрия к двенадцати годам каторжных работ. Но автор и читатели не сомневаются, что приговор несправедлив и настоящий убийца – Смердяков.

Итак, стержень последнего романа Ф. М. Достоевского – отцеубийство. Этого никто не оспаривает. Совершить преступление должен был главный герой, каковым, безусловно, является Дмитрий Федорович. (Объявленный в «От автора» Алексей Федорович должен стать главным только во второй – ненаписанной – части дилогии. И к этому мы еще вернемся.)

Как же было дело? В крайнем возбуждении очутился Митя у отцовского дома.

«*И старик чуть не вылез из окна… стараясь разглядеть в темноте… Митя смотрел сбоку и не шевелился. Весь столь противный ему профиль старика, весь отвисший кадык его …*

»
и т. д.
«Личное омерзение нарастало нестерпимо. Митя уже не помнил себя и вдруг выхватил медный пестик из кармана
…
»

На этом в действии провал, обозначенный выразительным отточием. Разумеется, Митя сокрушил череп родителя. И в тексте романа почти ничто этому не противоречит. Сразу после отточия двусмысленные слова: «*Бог,* ***как сам Митя говорил потом*** [выделено Я. У.], *сторожил меня тогда*
…
» Далее происходит кровавый инцидент с Григорием. Старый слуга Григорий заметил бегущего Дмитрия, бросился в погоню и получил медным пестиком по голове. И как ни стремительно развивались события, но до момента, когда Митя
«кинулся на забор, перепрыгнул в переулок и пустился бежать»
, прошло, как минимум, несколько минут. И все это время, по версии Мити и Смердякова, Федор Павлович должен был оставаться живым и невредимым. Он ни в коем случае не мог замереть в молчании, а обязан был истошно вопить и звать на помощь. История же, рассказанная Смердяковым, шита белыми нитками.

Смердякову просто незачем убивать Федора Павловича. С целью ограбления? При абсолютном доверии барина к сыну-лакею практичнее было бы просто украсть пресловутые три тысячи рублей, не рискуя двадцатью годами каторги. Скорее, он себя оговорил, чтобы насолить Ивану и возвыситься над ним. Чего и добился. Это была цель его жизни, выполнив каковую, он повесился. Он взял на себя убийство, чтобы по воле автора оправдать подлинного убийцу.

Тему самооговора Достоевский уже поднимал в «Преступлении и наказании». Любопытно сравнить двух героев, принявших на себя чужую вину.

Вот Миколка, объявивший себя убийцей старухи-процентщицы. «*Перво-наперво это еще дитя несовершеннолетнее, и не то чтобы трус, а так, вроде художника какого-нибудь*
…
Невинен и ко всему восприимчив. Сердце имеет, фантаст. Он и петь, он и плясать, он и сказки, говорят, так рассказывает, что из других мест сходятся слушать. И в школу ходить, и хохотать до упаду оттого, что пальчик покажут, и пьянствовать до бесчувствия,

не то чтоб от разврата, а так, полосами, когда напоят, по-детски еще <
…
> и сам он еще недавно целых два года в деревне у некоего старца под духовным началом был
…
Рвение имел, по ночам Богу молился, книги старинные «истинные» читал и зачитывался. Петербург на него сильно подействовал, особенно женский пол, ну и вино».

А теперь Павел Федорович Смердяков. «*Человек еще молодой, всего лет двадцати четырех, он был страшно нелюдим и молчалив. Не то чтобы дик или чего-нибудь стыдился, нет, характером он был, напротив, надменен и как будто всех презирал.<*
…
> Он и в Москве, как передавали потом, все молчал; сама же Москва как-то чрезвычайно мало заинтересовала, так что он узнал о ней разве кое-что, на все остальное и внимания не обратил.<
…
> Но женский пол он, кажется, так же презирал, как и мужской, держал себя с ним степенно, почти недоступно. <
…
> Вот одним из таких созерцателей и был наверно и Смердяков, и наверно тоже копил впечатления свои с жадностью, почти сам еще не зная зачем
».

При сравнении этих потрясающе симметричных характеристик просто очевидно, что две такие полные противоположности где-то сойдутся. Они и подошли с разных сторон к одной точке – самооговору. Соответственно натурам и проделано: Миколка – эмоционально, при всем честном народе, а Смердяков – хладнокровно, одному Ивану.

Итак, Дмитрий должен был убить и убил. В романе нигде прямо от автора не говорится, что Дмитрий не убивал, а Смердяков убил. Убийство описывается только от лица подозреваемых, а единственный объективный свидетель Григорий обличает Дмитрия.

Теперь ненадолго отвлечемся от братьев Карамазовых и поговорим о высшем предназначении литературы.

Настоящая литература существует для того, чтобы в художественное пространство спроецировать важнейшие духовные проблемы нашего мира и разрешить их там. После этого эти проблемы будут решены в нашей реальности. По меньшей мере, появится такая возможность.

Одной из древнейших дошедших до нас книг является Библия, что в переводе с древнегреческого собственно и означает «книга». Библия – это Священное Писание, и написано оно под диктовку Святого Духа. Но никто не отрицает, что писали ее, хоть и под диктовку, простые люди, правда, литературно одаренные. Собственно Библия – это совокупность всей существовавшей на тот момент и доступной иудейским книжникам литературы. Точнее, той литературы, которую они сочли достойной канонизации. Все религии, опирающиеся на Библию, разумеется, не считают ее просто беллетристикой. А чем же тогда? Библия – это путь постижения Бога, путь очищения человека. Именно сам путь, а не пособие по его изучению. Конкретные события, описанные в Священном Писании, все эти войны и казни, свадьбы и рождения детей, строительства и путешествия и т. д. на самом деле описывают процессы, происходящие не в физическом пространстве, а в потустороннем, божественном мире.

Есть основания полагать, что вся великая мировая художественная литература столь же богодухновенна. Почти все великие писатели признавали, что они лишь проводники, а не авторы. Вспомним легенды о музах и даймонах. Да и что такое вдохновение, как не дыхание божества? Не пора ли включить в священный канон всю великую художественную литературу? «Илиаду» и «Одиссею», «Божественную комедию» и «Дон Кихота», «Гамлета» и «Фауста», «Евгения Онегина» и «Мертвые души», «Войну и мир» и «Преступление и наказание» давно следовало канонизировать. Да и «Робинзон Крузо», «Три мушкетера», «Двенадцать стульев» и «Мастер и Маргарита» не будут лишними в этом ряду.

Достоевский взвалил на себя самую тяжелую часть задачи, решаемой богодухновенной литературой, – предельно низвести героя на самое дно, сохранив его бессмертную душу для последующего очищения и преображения.

Даниил Андреев в «Розе Мира» пишет о Достоевском: «…*главная особенность его миссии: в просветлении духовным анализом самых темных и жутких слоев психики.*
…
Возникает уверенность, что чем ниже были круги, ими

[
героями Достоевского. –
Я. У.
]
пройденные, о п ы т н о
[разрядка Д. А.]
, тем выше будет их подъем, тем грандиознее опыт, тем шире объем их будущей личности и тем более великой их далекая запредельная судьба
».

Рекорда в опускании героя в бездну Федор Михайлович достиг в «Преступлении и наказании» (полагаю, это мировой рекорд). Некто с целью ограбления, вполне осознанно, хладнокровно убивает топором противную старуху. Этого мало – он еще раскалывает череп почти святой юродивой Лизавете. И что потом? Все симпатии автора и (я уверен) всех читателей на стороне этого крокодила. Фантастика!!! Но грандиозная задача была выполнена полностью. Раскольников осознал, раскаялся, почти очистился и уже стоял на пороге преображения.

Но противная старуха и случайная Лизавета не удовлетворили Достоевского. Да и Раскольников – безусловный интеллигент (образованец), а таких великие русские писатели (Достоевский, Толстой, Солженицын) на дух не переносят. Надо ставить более серьезную задачу, хотя, казалось бы, дальше некуда. Но это для кого угодно, только не для Достоевского. Размах гения! На свет появляется Дмитрий Федорович Карамазов. Туповатый, невежественный солдафон, пьяница, «сладострастник» и хулиган. Как же можно превзойти Раскольникова? Надо проломить голову медным пестиком родному отцу и для закрепления успеха – старику слуге, в свое время бескорыстно заменявшему ему родителей. После этих выдающихся деяний не «бледным ангелом» ходить и рефлексировать, как Раскольников, но пропьянствовать всю ночь в душевном подъеме и даже между делом в картишки перекинуться. Залюбуешься! И вот тут, наконец, Федор Михайлович притормозил и оглянулся. Но не оттого, что испугался собственного размаха. Нет, просто по ходу дела Достоевский беззаветно влюбился в своего героя и решил выручить Митю. И начал корректировать жестокий эксперимент. Сначала отменил убийство отца (Дмитрием), а затем воскресил Григория.

Роман был задуман как отцеубийство – 1-я часть (Дмитрий) – и цареубийство – 2-я часть (Алеша).

«*Он хотел провести его через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы*

политическое преступление. Его бы казнили …» Таково известное свидетельство А. С. Суворина (в его дневнике) о намерении Достоевского продолжить «Братьев Карамазовых». «Он» – это «тишайший» Алеша, казалось бы – само воплощение нормы среди «ненормальных», обладатель счастливой психологической организации.

«…То, что должен был совершить Алеша, с точки зрения государства являлось прямым покушением на само государство: это была бы тягчайшая, не заслуживающая ни малейшего снисхождения вина. Вина, требующая предельной кары. Но, как мы уже говорили, даже такое преступление не могло бы коренным образом изменить отношения к главному герою «Братьев Карамазовых». Так же как убийство Раскольниковым старухи-процентщицы не лишает его окончательно ни авторских, ни читательских симпатий» .[1]

Чем гениальнее писатель и чем значительнее произведение, тем менее поведение героев зависит от произвола автора. Изменить уже назревшую, сложившуюся ситуацию в романе может быть не легче, чем в жизни. Однако дорогой ценой можно. И автор в этом случае несет ответственность перед Господом, как нарушитель воли Божьей. Последствия такого нарушения проявляются в трех плоскостях:

- в романе;

- в жизни автора;

- в посмертии автора.

Оправдание Дмитрия (автором) привело к невыполнению главной задачи романа – т. е. глубочайшему падению главного героя, последующим страданиям, мукам совести, раскаянию и преображению. Дмитрий Карамазов должен был уподобиться великим раскаявшимся грешникам, которые так угодны Господу (блудный сын, раскаявшийся разбойник на кресте, Мария Египетская и множество других).

К каким же последствиям в сюжете привело желание автора увести любимого героя от ответственности? Во-первых, пришлось подставить под медный пестик несчастного Григория. Зачем это понадобилось? Дело в том, что бурные события в Мокром являются кульминацией романа. Но без предшествующего убийства все эти страсти теряют смысл. Необходимы Митины угрызения совести и

крики про старика и кровь. Причем проломить голову отцу не до конца как-то неудобно (драматургически – хотя бы потому, что это уже было в первой части романа), а статисту-слуге – сойдет. Таким образом, первым грехом Федора Михайловича стал поверженный Григорий. Далее пришлось засунуть в петлю Смердякова. Ведь Иван, без сомнения, вытащил бы его на суд, а там уж самооговор лакея разъяснился бы. Все это привело к тяжелой болезни Ивана вследствие очевидной его вины в смерти отца в случае убийства последнего Смердяковым.

Последствия в жизни были просто катастрофическими. Если Дмитрий невиновен, то роман теряет смысл. Это раз. Теряет смысл и вторая часть романа: без предшествовавшего отцеубийства главным героем как-то уходит из-под ног Алеши почва для цареубийства (опять же драматургически это будет не очень обоснованно). Но Достоевский все равно взялся бы за вторую часть. Писать ее, не разоблачив Дмитрия, было невозможно. Что же делать? Господь разрешил это неразрешимое противоречие, забрав Достоевского к себе. Следовательно, безвременная кончина величайшего романиста всех времен и народов явилась результатом беззаветной любви к охламону Митьке Карамазову!

Но это еще не всё. Я позволю себе высказать гипотезу, на которой не буду настаивать. Прошу выслушать меня непредвзято.

Все узлы, завязанные в романе, были реально завязаны в инфрафизических слоях. (Прошу не придираться к терминологии. Если хотите, называйте эти области потусторонним, тонким, астральным, ментальным и т. п. миром.) И процесс там пошел. Если бы Федор Михайлович написал роман, как было задумано, то, может быть, в тонких же мирах все и разрешилось бы. А так напряжение зашкалило, и через месяц после смерти Достоевского энергия выплеснулась бомбой народовольцев, разорвав царя-освободителя. Как говаривал герой Булгакова: «*Вот до чего эти трамваи доводят!*»

В «Преступлении и наказании» очень важная человеческая проблема была решена. Грубо говоря, проблема состояла в следующем: можно ли убивать противных и богатых старушек, чтобы потом на их деньги творить добро? Достоевский убедительно доказал, что нельзя. Для этого ему пришлось измучить несчастного Раскольникова, но цель была достигнута. С той поры благородные студенты не бегают с топорами за богатыми старушками. А, уверяю вас, если бы не Федор Михайлович, то крушили бы старушечьи черепа до сих пор. Суть дела состоит не в том, что теперь мы знаем, что это плохо. Знали и без Достоевского. Просто в том, ином мире реальный инфрафизический Раскольников убил столь же реальную инфрафизическую Алену Ивановну. А запланированного результата не достиг, потерпев жизненный и идейный крах. Этот факт стал достоянием всего человечества, включая и тех, кто не только не читал «Преступления и наказания», но и не слыхал о Достоевском.

На повестку дня была поставлена следующая проблема. Сформулируем ее столь же примитивно. **Можно ли убивать православного царя, чтобы тем самым осчастливить человечество?**
Решить эту задачу можно было экспериментально в описанном пространстве идей, в потустороннем мире литературных героев. Достоевский с задачей не справился. Пришлось Желябову и Перовской ставить этот эксперимент в физическом пространстве.

В уже цитировавшейся «Розе Мира» Даниила Андреева утверждается существование пространства метапрообразов героев произведений мирового искусства. То есть где-то в параллельном, но вполне реальном мире живут и самостоятельно действуют Андрей Болконский и Чичиков, Фауст и Гамлет, Татьяна Ларина и Сольвейг и т. д. Образы героев уловлены авторами, и они не только существуют на бумаге, но и в некоем реальном пространстве, в котором в дальнейшем живут и действуют независимо от автора произведения. Это относится только к персонажам выдающихся творений. Само собой, в этом удивительном мире действует множество героев Достоевского. Дадим слово Д. Андрееву: «*Многим и очень многим гениям искусства приходится в своем посмертии помогать прообразам их героев в их восхождении. Достоевский потратил громадное количество времени и сил на поднимание своих метапрообразов, так как самоубийство Ставрогина и Свидригайлова* [о самоубийстве Смердякова не упоминается! – *Я. У.*] *, творчески и метамагически продиктованное им, сбросило пра-Ставрогина и пра-Свидригайлова в Урм. К настоящему моменту все герои Достоевского уже подняты им: Свидригайлов в Картиалу, Иван Карамазов и Смердяков достигли Магирна – одного из миров Высокого Долженствования. Там же находятся Собакевич, Чичиков и другие герои Гоголя, Пьер Безухов, Андрей Болконский, княжна Марья и с большими усилиями поднятая Толстым из Урма Наташа Ростова. Гетевская Маргарита пребывает уже в одном из высших слоев Шаданакара, а Дон Кихот давно уже вступил в Синклит Мира, куда вскоре вступит и Фауст»* . Разъяснение терминов «Урм», «Картиала», «Магирн», «Синклит Мира» и пр. – смотрите в «Розе Мира». Грубо говоря, это что-то вроде кругов Ада и небес Рая, которые земные и неземные существа проходят после смерти в зависимости от своих грехов и добродетелей. Из приведенной цитаты ясно, что Смердяков занимает там позицию не хуже Ивана Карамазова и явно лучшую, чем Свидригайлов. Отсюда можно заключить, что своего предполагаемого отца он не убивал и самоубийство не вменено ему в грех. Заподозрить Даниила Андреева в намерении обелить Смердякова невозможно. Тем показательнее его свидетельство. Отметим отсутствие упоминания в цитате об Алеше и Дмитрии Карамазовых. Похоже, они находятся в Аду пониже Ставрогина и Свидригайлова, не говоря уже о Смердякове и Иване.

Дмитрий, расплачивающийся за несостоявшееся отцеубийство, а Алеша – за несостоявшееся цареубийство, завязали такой кармический узел, который многострадальная Россия не распутала до сих пор. Речь идет о **литературных** отцеубийстве и цареубийстве. Долг литературного героя – совершить написанное ему на роду преступление. Тогда в реальной жизни преступления можно будет избежать. Позволю себе предположить, что английская революция XVII века была менее кровавой, чем французская XVIII века, т. к. в Англии был Шекспир, а во Франции всего лишь Мольер.

Любопытно проследить – в какой же момент по ходу романа вызрела Митина невиновность в отцеубийстве? В предварительном следствии в Мокром участвует множество персонажей – правоохранителей и свидетелей. Ни у кого нет сомнений в виновности Мити. По окончании всех допросов Митя страстно обращается к Грушеньке: «*…верь Богу и мне: в крови убитого вчера отца моего я неповинен!* » Грушенька сразу и безоговорочно ему поверила. Похоже, в этот момент впервые поверили и читатели. После этих драматических событий «

…

Митя был спокоен и даже имел совсем приободрившийся вид, но лишь на минуту. Все какое-то странное физическое бессилие одолевало его

…

Приснился ему какой-то странный сон, как-то совсем не к месту и не ко времени

…

Избы черные-пречерные

…
много баб
…
все худые испитые, какие-то коричневые у них лица. Вот особенно одна
…
костлявая
…
а на руках у нее плачет ребеночек
…
и ручки протягивает, голенькие, с кулачонками, от холоду совсем какие-то сизые
». «
Почему бедно дите, почему голая степь, почему они почернели от черной беды?»
– вопрошает Митя.

Почему бедно дите? Один из важнейших символов. Да потому бедно, что именно в этот момент (написания романа) Достоевский решил простить Митю. Если бы Дмитрий донес свой крест, дите не было бы бедно.

Примерно с этого момента Митя пребывает в радостном настроении уже до конца романа. Почему же? Грушенька полюбила? Да никогда в жизни! Любому ясно (и даже недалекому Мите), что она как полюбит, так и разлюбит. И ревновать теперь он может сильнее прежнего. А дело в том, что всю первую часть романа Митя был подавлен, предчувствуя свой крест. Каковой предчувствовали все, начиная с Зосимы. На протяжении всей первой половины романа Митя знал, что убьет отца. А в Мокром до отъезда с приставом уже знал, что убил, но как-то неуверенно, надеясь в горячечном тумане, а вдруг это был страшный сон. Причем в этом сне все путалось: то ли убил отца, то ли нет. А может, и отца и Григория? А может, одного Григория? И вот тут при переборе вариантов затеплилась мыслишка: а вдруг вообще никого? Дай, Господи, чтобы это был только сон! Но для литературного героя творец и господь – автор. Так что мольбы Дмитрий Федорович возносил Федору Михайловичу. И последний внял. Здесь и мелькнуло, казалось бы, не имеющее отношения к делу видение с дитем. Настолько оно ни к селу ни к городу, что сразу ясно – это столь же важно, как и явление великого инквизитора в скотопригоньевском трактире. Над дитем тяготеет карма русского народа.

Дите бедно потому, что Дмитрий не убил отца и Алеша не убил царя в **романе** (!). И поэтому Желябов (реальный концентрат Раскольниковых, Ставрогиных и Иванов Карамазовых) и Софья Перовская (она же Настасья Филипповна и Аглая, Екатерина Ивановна и Грушенька) взорвали Александра II на канаве. Напомню, что на другом конце канавы Родион Романович убил старуху и честно принял свой крест. Очень верно одна главка труда И. Волгина называется «Алена Ивановна и русский царь». Два эти несопоставимые убийства связаны между собой крепче, чем
…
не знаю даже, с чем и сравнить.

Достоевский взвалил на себя и почти справился с самой грандиозной задачей, стоящей перед смертными. Он разрешал человека от греха. Суть первородного греха – восстание человека против Бога. Собственно, любой грех – это восстание против

Бога, но чаще косвенно. А у Достоевского герои сплошь и рядом восстают непосредственно. В жизни разрешить человека от греха – дело Христа. А вот в литературном пространстве это возможно для немногих титанов человечества. Достоевский – не последний среди них. Он взвалил на себя решение проблемы грядущих революционных потрясений. И до поры до времени успешно справлялся с ней. В частности, появление романа «Бесы» притормозило, а то и устранило гнусную «нечаевщину». Но из-за спины «нечаевщины» выползла более духовная и фанатичная «желябовщина». Взялся Достоевский развязывать и этот узел. Все шло хорошо. Для разбега было необходимо отцеубийство. Оно свершилось. Тут-то и споткнулся Федор Михайлович. А колесо-то уже раскрутилось.

Совершив ошибку, оступившись, Достоевский как бы подорвал защитные механизмы. А черные силы не дремлют. Кровь хлынула горлом. Самые грандиозные в XIX веке похороны. Почувствовала Россия, какого богатыря потеряла… А через месяц – взрыв на Екатерининском канале. Только Достоевский и мог предотвратить.

Рассмотрим два сослагательных варианта.

1. Если бы Достоевский довел «Братьев Карамазовых» до задуманного конца. Скорее всего, либеральное царствование успешно продолжалось бы. Народовольцы разочаровались бы в своих идеях и раскаялись бы, как Лев Тихомиров. В процветающей, богатой и мирной России до сих пор была бы конституционная монархия, как в Великобритании, а жизнь еще слаще.

2. Если Федор Михайлович вообще не брался бы за «Братьев Карамазовых». Процесс стал бы вялотекущим. Народовольцы не раскаялись бы. Но их обезвредили бы. Так или иначе, болезнь была бы облегчена. Эволюция замедлилась бы, может, даже слишком …

Однако произошло то, что произошло, и это было самое худшее…

1 Игорь Волгин. Последний год Достоевского. Изд. 2-е. С. 25, 33.

Обсудить статью на форуме

Предыдущая статья :: Оглавление :: Следующая статья